

Московская Епархия. Богородское благочиние.
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Погинска

Тихвинский листок №53

12 Декабря 2021 года

НЕДЕЛЯ 25-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ. ИСЦЕЛЕНИЕ СКОРЧЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня мы слышали повествование Евангелия об исцелении скорченной женщины; 18 лет мучилась она от своей болезни (Лук. 13, 10-17). Ее тело настолько изогнулось, что голова была пригнута к самой земле. И, несмотря на это, она постоянно ходила в храм, молилась. И в один день, в субботу, встречает ее там Христос и исцеляет.

Вот, казалось бы какое преславное, удивительное чудо. Но рядом находился один человек, начальник синагоги. И вдруг он начал обличать людей и исцеленную в том числе, говоря, что они нарушают субботу и приходят исцеляться, когда нужно соблюдать заповедь о покое (ст. 14). Такая заповедь была, и очень свято почиталась иудеями. Но Христос очень строго обличил его, говоря: *«Лицемер, разве каждый из вас не отвязывает своего осла или вола в субботу и не ведет его к водопою, чтобы напоить? И не надлежало ли помиловать и сию дочь Авраамлю?»* Христос посмотрел на эту скорченную недугом женщину и увидел дочь Авраамлю. А начальник синагоги, это почтенный человек, — он в упор не видел ее, не хотел замечать даже само ее бытие.

Часто мы не понимаем тех причин, многих причин наших поступков, того, что владеет нами. Но если представить, что на месте этой скорченной женщины оказалась бы мать этого законника или его дочь, или его родная сестра, разве стал бы он ее укорять ее за то, что она исцелилась в неположенные дни. Нет. Он ликовал бы радовался и тут бы же нашел оправдания для близкого себе человека и для себя. Но сейчас в нем говорило самолюбие. А самолюбие всегда является с такой свитой зависти, неприязни, раздражения и досады. Тот, кто стремится почитать Бога нелицемерно, он постепенно утончает восприимчивость своей совести и начинает совсем иначе относиться не только к заповеданным Богом правилам, но и к другим людям. В книге Левит изложена эта заповедь о субботе: *В праздники да будут у вас священные собрания. Смиряться в эти дни души ваша. Никакой работы в те дни не делайте и приносите жертву Богу. Это постановление вечное* (см. Лев. 23, 26-32).

Иными словами сказано: оставь место для любви к Богу. Среди земной суеты, среди постоянной заикленности на земном оставь один день, для того, чтобы праздновать, и чтобы душа находилась в богообщении. И собственно весь закон и дан был для того, чтобы подготовить человека для принятия полноты любви. Но в чем-то начальник синагоги конечно был прав, ведь заповедь говорит, что в субботу ничего нельзя делать. И если мы возьмем не Христа, а какого-то другого человека, стремящегося как-то проявить любовь, то оказывается, что он в своих делах очень часто ошибается. Такой тут парадокс. Ну, нельзя вот просто никак не обойтись без ошибок на этом поприще. Обязательно нарушишь какие-то правила, сместишь чьи-то границы, перегнешь с мерой, хотя бы вызовешь зависть у других, не получивших на данный момент твоей любви.

Общество человеческое все так перегорожено вдоль и поперек от проявления любви. И жить так проще: это частное, это мое, это индивидуальное, а тут вообще не тронь, и так далее. И надо сказать, что во многом эти загородки просто необходимы, потому что различных хищников и желающих нажиться за счет чужого, залезть на чужую территорию, гораздо больше, чем людей милостивых и стремящихся как-то дать что-то ближнему. Но вот любовь — это всегда выход из каких-то правил, это всегда дерзновение. И очень часто это разрушение некоего закона и какого-то очень правильного правила. Но что же делать? Не нарушать? А ведь в данном случае речь идет не о каком-то пустячном предрассудке, а о нарушении заповеди Божьей. А может идти речь об уставе монастыря или о законах какого-то общества, какой-то организации. И почти всегда речь идет о нарушении здравого смысла. Но вот соблазн поставить на место любви какое-нибудь

правило, которое освободит нас от дел милосердия, этот соблазн всегда присутствует и постоянно возникает в нашей жизни. Поставил себе загородочку – и успокоился в обретенной вдруг мелкой правоте своего статуса.

Так и начальник синагоги захотел оправдать узость своей нелюбви. У него была правда, но эта правда была слишком мелкой такой, вырезанной. И особенно мелочность этой правды становится явной рядом с громадой Христовой правоты. И на самом деле вся эта правота этого начальника синагоги умещалась в три слова: я, соблюдающий закон. Там даже место Богу не нашлось, а только себе самому, соблюдающему некие правила. Закон дан тем, кто не имеет милости, а не тем, кто милостив и без закона. Таковым он не нужен, как не нужны пеленки тому человеку, который вырос. Христос входит в синагогу, в то место, где закон должен утверждаться, и ломает этот закон Своей надзаконностью, Своей свободой внутренней ломает. И конечно, делает Он это ради большего, но все-таки ломает, все-таки нарушает.

Вот мы ценим традицию. Мы видим в ней такую удерживающую роль на пути зла, беззакония. Но оказывается даже то, что складывалось веками, может стать на пути праведности. И везде нужно рассуждение: освобождает традиция к добру или сковывает на пути к нему. И сохраняя ее, мы теряем гораздо большее, вящее закона – любовь. Поэтому эти начальники иудейские потом убьют Христа. Он опасен с Его внутренней свободой. Опасен для них. Почему они обвинили Его, что Он хочет разрушить храм? Просто так прицепились к какому-то Его слову, неправильно поняли Его выражение, Его пророчество. На самом деле Христос действительно разрушает тот внутренний храм внешнего Богопочитания, который они воздвигли в своих сердцах. И вот не желая видеть обличение своей неправоты, они обрекают Его на смерть.

Там, где не остается место Богу, все остальное становится со знаком минус. Мы можем сложить друг на друга все субботы, все правила, все заповеди. Но если все это умножить на ноль, останется ничего. Поэтому слово Христа, обращенное к этому начальнику синагоги, *«лицемер»*, оно с одной стороны может показаться жестким, а с другой стороны оно довольно-таки мягкое, потому что если мы вдумаемся, что же за этим словом *«лицемер»* стоит, можно другими словами сказать, что Христос сказал: ты мертвец. Не потому что он желал смерти этому человеку, а потому что Он констатировал вот эту внутреннюю смерть. Это лицемерие не просто слепота, не просто нежелание видеть другого человека, а это нежелание видеть Бога.

Посмотрим на эту ситуацию не предвзято. Ведь всем же ясно – совершилось чудо. Кто может совершить чудо? Только Бог. А тут появляется человек, блюститель закона, который хочет Законодавца связать Его же собственной заповедью, связать субботой и в итоге повелевать Богом. Говоря: вы не во время приходите исцеляться, на самом деле он и не хочет, чтобы это исцеление в принципе произошло. Именно об этом писал апостол Павел, говоря, что буква убивает. В Евангелии Христос многократно повторял: *горе вам, фарисеи, книжники, лицемеры* (Мф. 23, 13-30). Никому из простых людей Он не говорит таких слов: горе вам. Внешняя видимость благочестия это не просто игра, это Богоубийство. Буква действительно убивает в таких людях истину. И перед нами остается лишь внешняя скорлупа.

И потому фарисейство и лицемерие – это тайна беззакония, о которой нам говорят святые отцы. Это лукавый двойник Церкви, лживый, неприметный, потому что маскируется личиной праведности, это пришедший во плоти дух антихриста. Видеть чужой недостаток конечно проще, чем свой. Но как нам увидеть вот этот формализм, это буквоедство в себе, то, что нас отгораживает от Христа, то, что в нас ведет Его на Голгофу, на Крест? Ведь мы уверены, что мы не являемся Его противниками. Начальник синагоги был уверен, что он служитель Божий, почитатель закона. Христос называет лицемеров слепцами. Придавая показному больше внимания, лицемер сам ослепляет себя. В помрачении лицемерия и нелюбви не замечает он, что именно у него эта скорченная душа. Он готов мириться с ней, постоянно оправдывая себя, свое нежелание видеть реальность, готов жить в этой неосознанной смерти, в этой пустоте.

Способны ли мы видеть Бога? Такой очень острый вопрос на самом деле. Христос говорит: *«видевый Мя, видел Отца»* (Ин. 14, 9). И всей Своей проповедью Он выдвигает на первое место учение о милости. Вот что открывает очи человеческие. Входя в энергию любви, мы можем увидеть Бога, поскольку любовь это и есть жизнь Бога, стихия Его бытия, то, в чем Он пребывает. Мы можем почувствовать ликующую радость Его присутствия. Только так можно Бога увидеть, приняв в себя нечто из сродного Богу – милость, любовь, сострадание. Аминь.

Игумен Филипп (Перцев)

9 декабря 2018 г.

Использованы материалы: *Оптина.ru*

Ответственный редактор: священник Сергей Макаров
Верстка: Ирина Тимошина